

(Сарат.), *сладкая грушица* (Влг.), *сладкие сливочки* (Вят.), *сладкие губы* (Курск., Самар.), *сладкий поцелуй* (Сиб.).

Сладкий — это показатель радостной, счастливой, благополучной жизни. Неслучайно в песнях атрибутивные пары с прилагательным *сладкий* включаются в сравнительные конструкции типа: «Уж я младаго в уста целовала, — / Будто сладкаго меду испивала» [Соболевский, 2, № 384]; «Какова сладка малинка, — / Таково мне, молоденьке, / Со младым-то мужем жити» [Там же, № 368].

Полагаем, что словари языка фольклора, подтверждающие наблюдения этнолингвистов и заставляющие задуматься над конкретными языковыми фактами, будут полезными для исследователей народной культуры.

СД — Славянские древности : этнолингв. словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

Соболевский — Великорусские народные песни : в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895–1902.

Е. Д. Бондаренко

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

jelena.kazakowa@gmail.com

Системные отношения в наивных словарях диалектоносителей*

Предметом изучения в докладе являются особенности лексикографического отражения наивными лингвистами отношений лексической системности (полисемии, синонимии, антонимии и др.). Материалом для анализа стали 20 авторских словарей диалектоносителей (преимущественно по территории Русского Севера, реже — Урала).

* Работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

© Бондаренко Е. Д., 2019

Наивная лексикография характеризуется тесной связью автора с читателем и более яркой прагматической установкой автора, чем научная объективированная традиция. Отсюда некоторые особенности отражения системных отношений в словарях «местных слов», составляемых диалектоносителями.

П о л и с е м и я. Ориентируясь на свое лингвистическое чутье, лексикографы отражают в словарях случаи многозначности, ср. *оболванить* ‘остричь волосы, обмануть кого-то’ (всюду сохранены авторские дефиниции. — *Е. Б.*); *тяпушка* ‘жидкая грязь’ и ‘мешанка из толокна, простокваши или с ягодами, или без них’. Авторы некоторых словарей приводят пометы, касающиеся сферы бытования различных значений слов (ср. *катавасия* ‘когда певчие хора сходят с клироса и поют в храме; в просторечии — неразбериха или шум’), или формулируют механизм формирования переносного значения, ср. *Иродиана* ‘наложница правителя Галилей Ирода Антипы. Ее имя стало синонимом нравственной распущенности и жестокости’.

Чаще всего в качестве переносных значений авторы наивных диалектных словарей приводят экспрессивы, обозначающие характеристики человека и его действий, ср. *кокора* ‘коряга, занудный человек’, *шваль* ‘мусор, плохое что-то, может быть, человек’, *гильгать* ‘звон ездовых колокольчиков; смешить, проказить, балагурить’. Это связано с общей установкой наивных лексикографов на фиксацию экспрессивной лексики.

С и н о н и м и я. Факты синонимии могут быть организованы в словарях диалектоносителей в виде микрогрупп, ср. *домовое, откопное, отвальное* ‘уход в армию’ (единой дефиницей объединяются все синонимические лексемы); *надрызгался, нарезгался, напился до обуха, до упора, пьяный в дымину, в стельку* (без дефиниции). Авторы могут отражать в словаре оттенки значения синонимичных лексем, ср. *другоряд* ‘в следующий раз’, *надругорядку* ‘потом (между делом)’. Синонимы могут не объединяться специально, а просто располагаться друг за другом в списке слов, ср. *кутаться* ‘в одеяло закрыться’ и *замоталась (в плед)* (без дефиниции); *на закорки* ‘загрибок’ и *на кукарешиха покатай* ‘сзади на плечах, детей’.

Особым образом осмысляются наивными лексикографами факты междиалектной синонимии. Это происходит в случаях, когда диалектоноситель тесно общается с носителями другого говора и стремится

отразить в своем словаре не только оппозицию «местное — городское», но и «местное₁ — местное₂». Ср. осмысление междиалектных различий, наблюдаемых между *вятчанами* и *вохмяками* (жителями бассейна р. Вохма), в словаре В. П. Криюлиной, которая приводит оба известных ей обозначения реалии (*клеть* и *сельник*, *шаньги* и *колобы*, *колобенница* и *конек* и др.).

В авторских словарях отражаются также явления «ситуативной» синонимии (ср. *куделька*, *прииск* — *Асбест*) и «диахронической» («эстафетной») синонимии (ср. *кабак* — *сентросприт*, *урядник* — *милиционер*, *волось* — *сельский совет* и др.).

На осмыслении явления синонимии основана классифицирующая стратегия дефинирования в наивных диалектных словарях, ср. *лопоть* ‘белье’, *баской* ‘красивый’, *нонче* ‘сегодня’. В толкование авторы могут помещать не один синоним, а синонимический ряд, ср. *бахилы* ‘сапоги, бродни, большая обувь’, *бычать* ‘надуться, упрямиться, глядеть угрюмо’. Встречаются случаи толкования диалектного слова через диалектный синоним, ср. *прихехе* ‘дроля’, *приушомкалось* ‘приутихло’, *набазулились* ‘навадились’, а также — чаще — слова литературного языка через литературный синоним, ср. *намедни* ‘недавно’, *угомонился* ‘успокоился’ и др.

Часто синонимические дефиниции получает экспрессивная лексика, в подобных случаях лексикограф нередко приводит в толковании ряд контекстных синонимов, ср. *гоношить* ‘торопиться, шевелиться, работать с увлечением, двигаться, собирать, приносить’.

Реже в наивных диалектных словарях встречаются факты антонимии. Авторы могут приводить антонимы в ряду других слов единой тематической группы: ср. *хавос* ‘мусор’, *хавосить* ‘мусорить’, *хавосник* ‘человек’, *грязаво*, *красаво* ‘красивое’, *наряжунья*, *козырять* ‘модничать’. При этом толкование слова *грязаво* восстанавливается читателем из следующего за ним *красаво* ‘красивое’. Микрогруппы могут создавать в словарях случаи «ситуативной» антонимии, ср. *ведро* ‘хорошая погода’ / *няша* ‘жидкая грязь’, *отвально* ‘угощение на проводах (в армию)’ / *привально* ‘угощение при возвращении’.

Наконец, в словарях диалектоносителей отражаются гипонимические отношения. В единый блок авторы помещают согипонимы, а в дефиницию — гипероним, ср. *шаньги*, *налимки*, *наливушки*, *сочни*, *рыбник* ‘пироги’. Нередко гипероним отсутствует,

подразумевается автором как толкование к обозначенным лексемам, ср. *узdechka, хомут, оглобли, дровни, узdechka, вожжи* (без дефиниции); *матка* ‘мать’, *батька, братан* (без дефиниции).

Е. О. Борисова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
liska5@yandex.ru

Способы выражения мотива непригодности в диалектных обозначениях медлительных людей*

Быстрота и медлительность редко воспринимаются носителями традиционной культуры абстрактно, изолированно от конкретных действий и процессов, обладающих «нормативной» скоростью и временем совершения. Как следствие, человек, склонный к быстрым или медленным действиям, оценивается с позиции его полезности в трудовой деятельности, и если оценка быстрого работника неоднозначна («быстро, ловко» vs. «кое-как, наскоро»), то медлительный человек воспринимается, как правило, резко негативно. В докладе мы опишем некоторые примеры реализации мотивов неполноценности, бесполезности в русских диалектных обозначениях человека, работающего с низкой скоростью, — начиная с тех, в которых данный мотив просматривается наиболее отчетливо.

Метафорические номинации, уподобляющие медлительного человека объекту низкого качества: волг. *чадо с дымом* ‘о нерасторопном, непригодном к делу человеке’, челяб. *обабок кислый* ‘медлительный, небойкий, нерасторопный, тихий’, арх. *неразвезная квашня* ‘о медлительном, неповоротливом человеке’, смол. *горелый блин* ‘о том, кто плохо или вяло работает’ и т. д.

Фразеологизмы, образованные по модели «не А не В» и «ни А ни В»: волг. *не бздит не горит* ‘о том, что совершается медленно,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

© Борисова Е. О., 2019